

Д. М. МОЛДАВСКИЙ

Встречи с Варварой Павловной

... Фамилию «Адрианова-Перетц» я знал школьником, еще до того как поступил на филфак. Вероятно, слышал ее от какого-нибудь докладчика в Лектории на Литейном или в литературном кружке Дворца пионеров. С первого курса в семинаре у М. К. Азадовского работал по ее книгам. Но познакомился с Варварой Павловной уже после войны — не на лекции или докладе, а просто на лестнице дома по улице Маяковского — мы были соседями. . . Я бывал в квартире № 15, звонил по телефону. Мы переписывались, обменивались книгами и оттисками.

О В. П. Адриановой-Перетц как об ученом исследователе, руководителе молодежи рассказано немало.

Я сам писал о ней как о редакторе, превосходном, с изумительным чутьем к слову. А вот о ней как о читателе пока никто еще не говорил.

А читателем она была великолепным! Круг волнующих ее книг был необъятен. Но — и это характерная черта — это были хорошие книги. «Модные» сочинения, рукоделья, ремесленные поделки она, разумеется, разгадывала с первых страниц. . . Оценки ее были убийственны. . .

«Вы читали. . . ? — сколько раз слышал я от Варвары Павловны. . . Речь могла идти о новой повести в толстом журнале, об исследовании, детективе (и о детективе тоже!), о статье, фельетоне. . .

Телевидение вновь включало Варвару Павловну в мир, из которого ее вытеснили годы и болезнь. Новости политические, общественные, литературные волновали Варвару Павловну до последних дней. И не раз я слышал от друзей моложе ее вдвое (а то и втрое): «Мне бы этот интерес к жизни, любви к ней!».

Я разворачиваю письма Варвары Павловны и снова и снова удивляюсь ее широте, мудрости, юмору. . .

Иногда юмор педагогичен: «Пишите на машинке, а то в редакции папьеграфов нет, и устную заявку толком не поймут» (письмо от 21 января 1960 г.); иногда он служит для маскировки дурного самочувствия, нездоровья (вообще о своем здоровье Варвара Павловна писала не часто, а если и писала, то вперемежку с мыслями о работе): «Я пробую второй день переменить халат на более пристойную одежду, чтобы „поднять дух“ хотя бы внешним видом. Моя вегетативная система не дает о себе окончательно забыть, но я научилась быстрее обуздывать ее. . . А вообще эта тема не заслуживает разработки ни в одном стиле. . .» (письмо от 24 июня 1969 г.).

Даже уйдя из Пушкинского Дома, Варвара Павловна жила его делами и заботами.

Она была человеком на редкость справедливым и очень доброжелательным. Почти в каждом письме говорила о делах, открытиях и планах тех, в чей талант она верила. Больше всего она ненавидела бездарностей, притворяющихся учеными мужами, карьеристов.

О халтурной диссертации подобного рода «ученого» писала: «Я тоже не думала, что за столько лет работы он сберег в неприкосновенности свою глупость и примитивизм. . . — это позор» (открытка без даты, видимо, лето 1968 г.).

Ее всегда волновал человеческий облик ученого: «Мы ведь педагоги и свои идеи раздаем и письменно и устно. Если их подхватывают — радуемся, конечно если при этом продолжатели развивают их туда, куда следует. Но Вы правы: сейчас иные авторы уж очень впечатлительны и не прочь даже у младших товарищей подхватить без ссылки их мысли, выдавая потом за собственное изобретение. Но в печати такую впечатлительность доказать нельзя» (письмо от 31 августа 1971 г.).

Как известно, литературные вкусы очень многих людей зависят от коллективного вкуса окружающих; Варвара Павловна была из тех немногих, кто в этом вопросе тверды и непоколебимы: ее не пугало, что в чем-то ее взгляды «архаичны» или «не модны», — это для нее просто не существовало.

Много раз в разговоре речь шла о поэзии. Варвара Павловна следила за разными поэтами, иногда огорчалась их неудачами; восторгалась умелым, единственным в своем звучании словом. Любила говорить о влиянии на них древнерусской литературы, фольклора, позабытых речений.

Я послал ей вырезку со статьей Олджаса Сулейменова, хорошего казахского поэта, который пристально и с большой любовью изучал «Слово о полку Игореве». В письме было сказано: «Это, видимо, извлечение из статьи автора на ту же тему, которая уже печаталась. Если гипотеза относительно слова „харалужный“ еще может быть в числе других, то „кликком“ — мечами — фантазия. Ведь в „Словаре“ нет „кликами“, как он цитирует, а „кликком“. К тому же „кликнуть“ на поле битвы — обычный термин в летописи. О тюркизмах и половецких элементах в „Слове“ скоро выйдут две работы — у нас и в США. Конечно, это сильный довод в пользу древности памятника» (11 июля 1969 г.).

Но было бы ошибкой думать, что Варвара Павловна читала только «для работы». Неверно! Она была настоящим читателем — получающим от книги удовольствие. В открытке (лето 1968 г.): «Для отвлечения есть Конан-Дойль в новом издании и Аполлинер. . .».

Я послал Варваре Павловне цитату из зощенковских «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова». Автора не указал. Мне померещилось, что в рассказе сохранен какой-то диалект. Ответ пришел скоро. В открытке, написанной в июле 1967 г., было сказано: «В присланном тексте нет ни одного диалектного слова! Есть очень свободное, а иногда и просто малограмотное обращение с общерусским словарем и синтаксисом (такой же как и не я — образец именно такой неграмотности). А в общем, — если стенографически записать свободную речь почти каждого, — и в ней будет много всяческих вольностей, и в сочетании слов и в синтаксисе. Так и должно быть. Но у Вашего героя есть и стремление говорить „возвышенно“: „очень я даже посторонний человек в жизни“. Но в этом есть что-то „свое“. Уж не Зощенко ли подслушал такую речь? Во всяком случае А. П. Евгеньева не зачислит ее в диалектную» (июль 1967 г.).

Единственная просьба, которая содержалась в письмах Варвары Павловны, — достать ту или иную книгу. В открытке без даты (1968 г.):

«Если у вас что-нибудь есть занятное, привезите, когда будете в наших краях».

И так много раз — все о том же — о книгах. «Недавно получила от одного из корреспондентов чудесный альбом — „Старая болгарская живопись“, с репродукциями тех самых фресок и икон, которые понравились Вам и в Боянской церкви, и в Рыльском монастыре. Приеду — оцените» (письмо от 18 августа — видимо, 1970 г.). Походя, ценнейшие сведения: «Олень с крестом есть и в византийской легенде о св. Евстафии Плакиде, которую тоже знали на Западе» (17 июня 1962 г.). Это, кажется, в связи с моим письмом, где я искал лубочную параллель к одной армитажной картине.

В письме от 18 августа 1959 г.: «Я вообще, потеряв способность сама путешествовать, с особым интересом читаю всякие путевые очерки». Там же: «Недавно читала заметки Солоухина (мне этот автор начинает все более нравиться...)

Каждый раз, приезжая из той или иной поездки, я делал альбом, где соединял фотографии, зарисовки, «документы» (вроде пропусков, билетов, проспектов и пр.), снабдив все это подписями. И первым делом тащил свой труд к Варваре Павловне.

Она усаживалась в свое старое, желтое, с расслаивавшейся кожей кресло и брала в руки альбом. Я отходил в сторону и просматривал какие-нибудь оттиски. Варвара Павловна читала не спеша, рассматривала фотографии, улыбалась и выносила приговор: «Очень хорошо, как будто сама побывала там». Или: «Повторяетесь, повторяетесь, Дмитрий Мироныч!».

Варвара Павловна работала до последних дней. Незадолго до смерти она написала рецензию на мою книжку «Перекресток стихов и трасс» (Л., 1972). Как всегда, ее отзыв выходил за пределы обычных рецензий, ставя новые вопросы, новые проблемы.